Белкин Анатолий 25.12.93

Художник Анатолий БЕЛКИН:
"ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ - СПЛОШНАЯ НЕУДАЧА!"

Смена. - С-Пб - 1993. - 25 дек. - с. 4

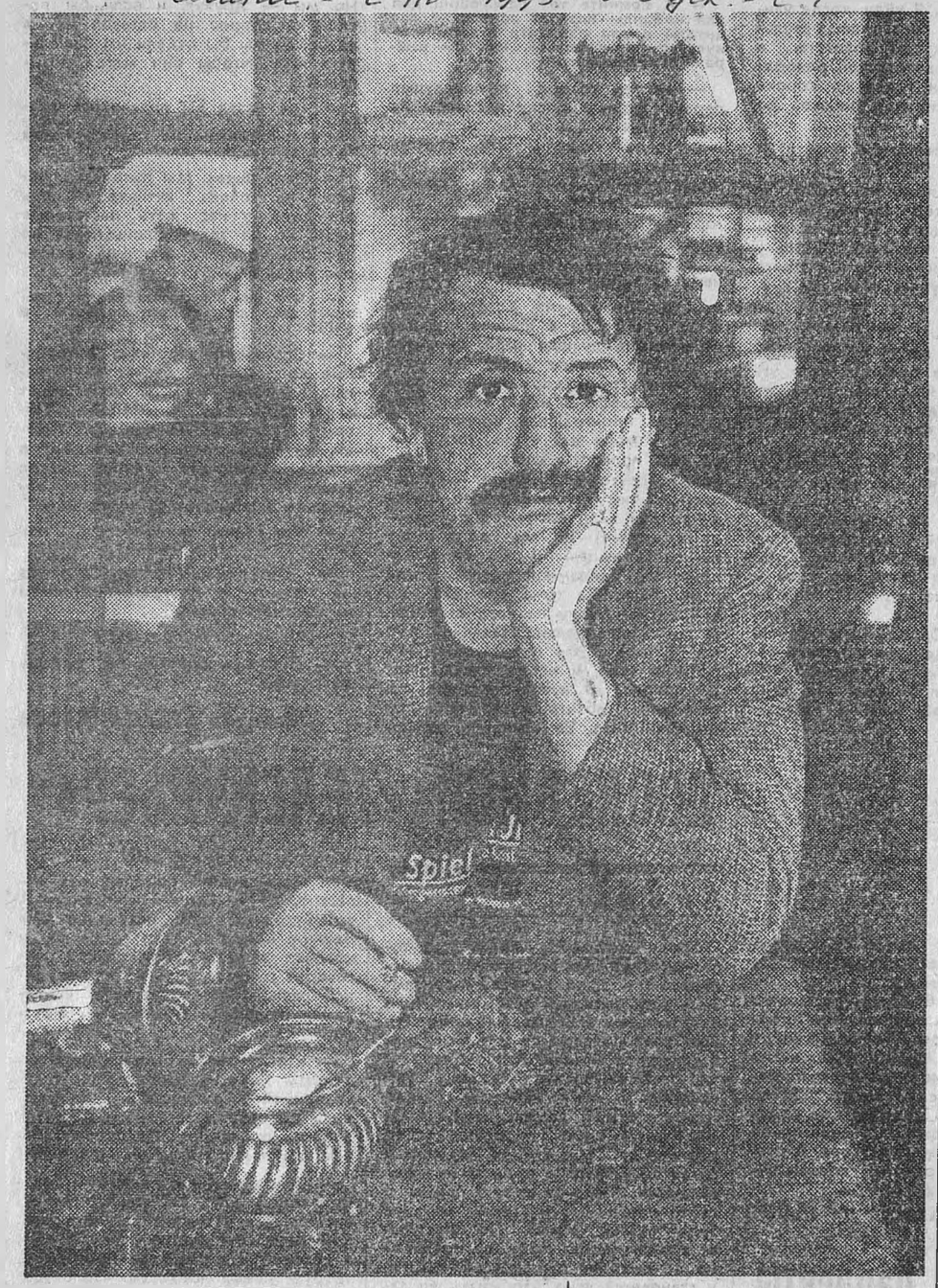

Фото Александра НИКОЛАЕВА

— Толя, я давно хотел спросить: когда вы работаете, в какое время суток? Такое ощущение, что куда ни придешь, везде Белкин - в Доме кино, на всех вернисажах, приемах!

— Ну во-первых, не везде - только в самых главных местах. И только если зовут друзья. И еще если может случиться что-то необычное.

— Часто случается?

— Как правило, нет, но всегда надеюсь. Последний раз это было на выставке потрясающего Фернандо Ботеро, в Эрмитаже... Когда я работаю? Вот это все для меня и есть работа.

— И вам не требуется уединение?

— А я не знаю, где я в уединении. Уединиться можно на самой модной тусовке, выпивая и болтая. И вовсе не обязательно надевать власяницу с веригами.

— Ну а когда же вы пишете картины?

— Так важно же придумать! Все художники делятся на две категории. Одни стреляют из автомата. Например, был такой замечательный художник Соломон Моисеевич Гершов. Или Михнов-Войтенко. Каждый день они брали автомат и стреляли, не целясь. Миллионы пулей улетают куда-то в лес, тысячи попадают в молоко, в "семерку", "восьмерку" Ну, конечно, и "десятка" изрешечена в конце жизни. Я не могу так работать - не потому что я лучше или хуже. Мне надо все придумать от начала до конца, я не выношу случайностей, они у меня все запланированы. Я стреляю из ружья с оптическим прицелом

— Всегда в "десятку"?

— По крайней мере - в черный круг. Потому и работаю страшно быстро, скорость - это тоже показатель мастерства. Баху заказывали мессу к среде, а к четвергу - литургию. А у него одиннадцать детей было. Надо уметь работать и на заказ, хотя я давно уже этим не занимаюсь.

— Стало быть, неудач у вас нет?

— Вся моя жизнь - сплошная неудача. Я бы мог родиться, например, в Боливии. Дышал бы горным воздухом. Там такие замечательные высокогорные боливийские растения, целые поля из них. Там есть "капюшонный суслик", который в Красную книгу занесен. Я был бы счастливый человек, ходил бы с осликом, играл бы на народных музыкальных инструментах. Я бы не знал ничего ни о Хасбулатове, ни о Жириновском. Чудесно бы жил!

— А что, эти персонажи вас волнуют?

— Меня волнует все, что движется.

— Может, вы и в выборах принимали участие?

— Да, принимал. Я, конечно, проголосовал за Егора Тимуровича Гайдара, который мне страшно симпатичен. Однажды как-то в Таврическом дворце он сидел за соседним столиком, я подошел к нему, уже выпив не одну рюмочку, нас представили. И я сказал: "Егор Тимурович! Я знаток аквариумных рыбок. И уверен - будущее за толстолобиками. Чтобы накормить страну, нужны толстолобики." Он совершенно обалдел, у него только глаза все шире и шире становились. А я, как очевидцы говорят, совершенно вдохновенно ему рассказал, что если во все каналы, по которым уже не может пройти ни одно судно, запустить толстолобика, то он съест всю гадость, которая там будет, и даст стране вкусное, нежное, жирное мясо! Егор Тимурович пожал мне руку, и его охрана проводила меня на место.

— Толя, вы с успехом могли бы жить не только в Боливии, но и где угодно. У вас наверняка в каждой европейской столице по мастерской. Что заставляет сюда возвращаться?

— Во-первых, у меня собака здесь. Семья еще могла бы жить в другом месте - собака не может. А потом, здесь все - помойки, пыль, грязь... Очень сильно притягивает то, что не любишь.

— Когда-то, помнится, вас называли даже "певцом петербургских помоек".

— Много лет назад. Это определение придумала Кира Сапгир, очень мило и точно. Действительно, были такие работы, которые многим нравились. У коллекционеров они кое-где висят перламутровые домики с разработанной фактурой, мусорные бачки, такой серый Петербург, какие-то персонажи в этом Петербурге.

Вообще, я очень люблю помойку. В Нью-Йорке одна помойка, в китайском квартале - она такая красивая, ух, как она пахнет! Там такая рыба серебристая, крабики шевелятся: маленькие, голубенькие, рыженькие... Яркие пальчики от каких-то сушеных медуз. Ну потрясающая помойка! Но у себя во дворе я собачку к помойке не подпускаю - это ужас что за помойка!

— Почему ж вы сейчас отошли от "физиологии Петербурга"? Наш город наблюдать с этой точки зрения все интересней

— Я уже давно и сознательно расстался вообще с фигуративной живописью. Потеряв всех прежних поклонников, любителей этакой меланхолической певучести. В последнее время я использую достаточно "прямые" ходы - такие, например, как старые фотографии, коллаж. Ведь фотография - это всегда мощный художественный знак.

— Кто ж вы теперь? Неужели постмодернист?

— Скажу так: при слове "инсталляция" я хватаюсь за пистолет. Я не знаю, кто я. Михаил Юрьевич Герман, например, один из ведущих наших искусствоведов, назвал меня "интеллектуальным фантазером" - ну что ж, ему виднее.

— Я бы назвал вас прежде всего фигурой полумифической в своем роде для Петербурга. Все знают, что художник Толя Белкин, который ходит рядом с нами и пьет коньяк на презентациях, известен во всем мире, имеет самые престижные международные награды, что его картины - в музеях и частных коллекциях как минимум двадцати стран, в том числе и в коллекции Майкла Джексона. Кто-то помнит ваши работы времен "газа-невщины", кто-то ваши иллюстрации к Булгакову, например. Но увидеть хотя бы в приблизительном объеме то, чем вы занимаетесь сейчас, практически невозможно. Я даже не знаю, была ли у вас в родном городе хоть одна персональная выставка.

— Была, первая и единственная, в 1977 году, в клубе Дзержинского. А потом, я не очень хотел это делать. И не очень мог. Неизвестно, что главнее. В последнее время у меня нет и работ, чтобы выставку устроить - как только работа появляется, тут же уезжает куда-нибудь. Ну а самое главное - где выставку открывать?

- Ну теперь-то, наверное, где угодно...

— Где угодно - нет! Вот все говорят: у меня выставка - в Нью-Йорке. А спроси - где? Потому что если в Южном Бронксе, то уж лучше у себя в туалете выставку устроить: меньше вони, и больше людей увидит!

Здесь вообще стало бессмысленно что-либо показывать. В Петербурге и даже в Москве художественная жизнь настолько дикая! Принцип любой нашей галереи - побольше набрать и побыстрее продать. В два часа дня взять работу, а в пять продать оптом, а если еще доллар за нее дадут - совсем хорошо. Это не галереи - лавки. А настоящие галереи - это очень тонкая система, по которой искусство переливается из страны в страну, взаимодействует с другими искусствами. Сверху стоят музеи, которые из этих галерей отбирают все лучшее. Это целый мир, это арт-игра, арт-политика, в которую вложены огромные деньги. Когда художник начинает работать с галереей, то и галерея работает на него. Это сложнейший симбиоз творчества и коммерции. Здесь только коммерция и никакого творчества.

— Неужели нет исключений? Тот же "Борей", моя любимая галерея

— "Борей" - одно из самых живых мест в городе. Каждую неделю что-то происходит. Милейшие и очаровательные люди там работают! Но эта галерея абсолютно без концепции. Вы можете увидеть там все - от откровенного китча до очень приличных работ самых разных направлений. Серьезная галерея не может держать каждой твари по паре: это не Ноев ковчег, она должна проводить свою художественную политику и работать с определенными художниками. (Хотя пристрастий может быть очень широким, как в галерее Мальборо в Нью-Йорке, которая работала с художниками от Энди Уорхола до Гриши Брускина, но концепция должна же прослеживаться!

— Ну а "Палитра", единственная галерея в городе, где выставлены ваши работы?

— Я никогда не работал с "Палитрой", она для меня абсолютно чужая. Меня попросили выставить работу в качестве репрезентативной вещи для пьянки по поводу выхода журнала "Palitra-gallery-magazin". Много того, когда меня спросили, во сколько вы ее оцениваете, я сказал, что вообще ее не оцениваю, потому что через неделю она должна вернуться ко мне домой. Вот и все.

— Помнится, вы помогали год назад своим участием галерее "Пушкин и Гоголь"?

— Да, но наши пути разошлись. Очаровательная хозяйка в какой-то момент попыталась проводить собственную художественную политику, которая мне совершенно не понравилась. Одним из хороших примеров в Питере в последнее время была галерея "Navicula artis" - она являлась проводником вкусов и пристрастий замечательного и тонкого человека, доцента Академии художеств Ивана Чечота. Надо посмотреть, как она в динамике будет жить. Но любая галерея, даже самая успешная - это все равно чисто убыточное предприятие. Только романтические миллионы могут творить культуру.

— И все-таки, Толя, неужели вас лично не смущает ситуация, при которой здесь вас до сих пор знают меньше, чем там?

— Так получилось. Когда мы сидели здесь и знали, что никогда не увидим ни Нью-Йорк, ни Париж, ни Лондон, наши картинки все это видели, потому что они в чемоданах с дипломатической почтой пересекали океан. А у наших дверей часто стояла милиция. Здесь у меня осталась масса друзей, с которыми мне хорошо... И вообще художника не должно знать слишком много народу. Рабочие, скажем, не должны его знать. Ну вот, мы с вами знаем лучшего грибника? А ведь он наверняка есть и популярен среди грибников. Или лучший спиннингист России - назовите мне его! Важно ведь в первую очередь жить с комфортом в собственной душе. Реализовать свои замыслы. И не очень задумываться над тем, уменьшится твоя популярность или увеличится. Времени не так много осталось. Мне, например, про себя все ясно.

— А про других?

— Про других - еще яснее.

— С кем-нибудь из художников "газа-невского" круга контакты у вас остались?

— Видимся, но редко. Многие по-прежнему вызывают у меня очень большой интерес. Игорь Захаров-Росс, например. Вот тот случай, когда в эмиграции человек реализовал то, что здесь не мог. И несчастный пример - Тюльпанов. Он уехал потому, что хотел сделать картину шириной метр пятьдесят два сантиметра, а ширина стен в его квартире была метр пятьдесят один сантиметр. Наконец, он нашел такие стены, но все равно не смог... Хотя очень мне симпатичный человек.

Но мы еще живы, может, кому-то что-то удастся.

— Ни в какие группировки вы никогда не входили?

— Никогда. Я легко вписываюсь в любую компанию хороших художников.

— И все-таки, с кем было бы приятней "висеть" рядом?

— Абсолютно все равно, кто справа, кто слева. Конечно, всегда приятней выставляться рядом с хорошими... Должен сказать, что в Петербурге уже появились художники очень активные и очень успешные на Западе, новое поколение целое - "африканско-тимуровское" Тимур Новиков вообще очень тонкий стилист, тонкий человек, который понимает, что такое форма. Африка - гениально конъюнктурен! Абсолютно новое поколение. Не пьют, не курят. Говорят по-английски.

Вообще для меня гораздо важнее не с кем рядом "висеть", а то, что я вообще существую в каком-то культурном мировом контексте. Я не веду отсчет от самого себя - я осознаю, что было до меня. Я очень люблю послевоенные годы, когда Америка начала поддерживать всей своей мощью молодых художников, тех, которых мы имеем в виду, когда произносим слова "современное искусство". Я люблю и современных итальянцев тоже, я знаю, что делается в Германии, меня очень интересует, что происходит повсюду сегодня. Мне необходима эта информация. Именно поэтому я так и люблю Нью-Йорк, где прямо ощущается эта энергия искусства, где "культурный ветер" обвевает тебя со всех сторон!

— Ну, у нас тоже свой "культурный ветер"...

— Да, много всего в Петербурге происходит - и хорошего, и не очень, и по-человечески трогательного. Но что огорчает? Любая идея требует формы прежде всего - отсутствие ее идею проваливает. Об этом я даже специально написал для журнала "Палитра". Вот помните, к примеру, проект Ивана Мовсесяна "Живопись на мостах"? Замечательная и чистая концепция, уникальное место было выбрано - но все оказалось умерщвлено отсутствием продуманной формы и полным непониманием масштаба акции. Или вспомним, что в бане на улице Марата недавно происходило. Были? Леша Кострома и "ХХ трест" представляют "Инкубацию самцов". Начало замечательное - пол, покрытый мешками с водой, по нему ходят люди яко по суху, жара, пар. Дальше - бассейн, прозрачные мешки, в них три голых мужика и барышня. Из мешков льется вода, выплескиваются и младенцы. Вот тут надо было запереть баню, поддать пару, сделать зрителей участниками заплыва, был бы дикий скандал!

Вообще, художественная жизнь в Петербурге во многом архаичная. Конечно, затратив не очень большие деньги, можно устроить несколько модных тусовок, на которые соберутся два-три десятка человек, знающих друг друга и Питера Гринуэя. Но я люблю большие вещи. Большая форма требует больших денег. Можно, конечно, похоронить и за пять рублей, но както неловко получается - даже не одеть покойника. Надо одеть, гроб заказать, дать взятку, чтобы место было сухое, хорошее, и устроить еще поминки для друзей. Поэтому нужны деньги!

— Ходят слухи, что вы с кинорежиссером Олегом Тепцовым последнее время пытаетесь осуществить какие-то совместные проекты. Где они?

- Мы дружим с Олегом Павловичем, он очень близкий мне художник. Но праздник города, задуманный нами, не состоялся, потому что все уже было поделено - им не нужен был праздник, им нужно было поделить средства. Мы как бы два таких дурака оказались в команде профессионалов.

Сейчас в мэрии лежит наш очередной проект, росийско-американский, тоже городского масштаба. На открытом воздухе в одном из парков города мы в течение нескольких дней хотим устроить некий временный музей современной этнографии, в котором посетители станут частью экспозиции, и наоборот... Подробности пока раскрывать не хочу. Дело за малым - если нам выделят около 200 тысяч долларов, то мы устроим городу этот подарок.

— Толя, а вы не ощущаете себя в нынешней России лишним человеком?

— Нет! И никогда не ощущал, даже в самые трудные времена. Мой интерес всегда был только в одном - в том чтобы реализовать свои самые безумные художественные претензии. Вот и все.

Сейчас мне, например, предлагают что-то поставить в театре. Хороший театр, имени Комиссаржевской, но из него совершенно выпущена кровь. Я там очень хочу поставить "Маленькие трагедии" Пушкина.

— Вы когда-нибудь этим занимались?

— В Кургане я был приглашен в театр на постановку в качестве художника режиссером Борисом Понизовским. Но мне безумно интересно самому поставить спектакль! Мало того, я пригласил Максима Пежемского быть со мной, и мы вместе несколько дней подряд ходили в этот театр, смотрели не столько спектакли, сколько место будущего происшествия. Я придумал, что у нас будет несколько Моцартов, одновременно будет идти на сцене несколько разных версий последней сцены "Моцарта и Сальери". И еще я хочу, чтобы по фойе ходили три человека - Гений, Злодейство и Две-вещи-несовместные...

— Не боитесь, что после этого вас выгонят не только из театра, но и из города?

— Из театра могут, из города вряд ли, я ж не бомж, у меня прописка есть. Конечно, я позабочусь, чтобы "Скорая помощь" у театра дежурила, если кому-то из зрителей плохо станет. Но главное, я считаю, чтобы зритель не спал. Искусство всегда должно задевать. Я ведь вообще достаточно традиционный художник, только с некоторым радикализмом.

С гостем встречался
Максим МАКСИМОВ